

Оригинальная статья / Original article

УДК 903.5

<http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-51-64>

ПОТРЕВОЖЕННОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ АЛТАЕ

© Н.А. Константинов, А.У. Урбушев

Горно-Алтайский государственный университет,
Российская Федерация, 649000, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1.

Аннотация. В статье публикуются материалы о потревоженном погребении пазырыкской культуры, исследованном экспедицией Горно-Алтайского государственного университета на могильнике Талдура-II в Кош-Агачском районе Республики Алтай в 2016 году. В ходе аварийных раскопок кургана были зафиксированы следы ограбления в виде прорубленного лаза в деревянном перекрытии, отделения голов погребенных людей, изменения первоначального положения умерших. Наблюдения над особенностями этого комплекса и сопоставление с другими нарушенными погребениями позволили сделать ряд замечаний относительно интерпретации традиции нарушения пазырыкских курганов. Большинство этих объектов было ограблено еще в древности, спустя непродолжительное время после помещения тел умерших в могильное сооружение. Рассматривается два подхода интерпретации нарушения погребальных комплексов. Первый – «прагматичный» – объясняется нарушением могил с целью наживы за счет получения ценного сопроводительного инвентаря. Второй подход видится нарушением погребения части ритуальной сферы деятельности. Такой подход предполагает, что «ограбление» могло осуществляться с целью: а) осквернения могилы, например, пришлым населением для демонстрации своих прав на территорию; б) осуществления финальных обрядов в рамках погребального ритуала.

Ключевые слова: Алтай, пазырыкская культура, скифское время, курган, нарушенные погребения, потревоженные погребения, грабительский лаз, ограбление, осквернение, культ головы, обезвреживание покойника.

Формат цитирования: Константинов Н.А., Урбушев А.У. Потревоженное погребение пазырыкской культуры в Юго-Восточном Алтае // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 51–64. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-51-64

DISTURBED BURIAL OF PAZYRYK CULTURE FROM SOUTH-EASTERN ALTAI

© N.A. Konstantinov, A.U. Urbushev

Gorno-Altai State University,
1 Lenkina Str., Gorno-Altai 649000, Russian Federation

Abstract. The article publishes the disturbed burial of the Pazyryk culture, investigated by the expedition of the Gorno-Altai State University in 2016 at the Taldura II cemetery in the Kosh-Agach district of the Altai Republic. During the excavations of the burial mound, traces of robbery in the form of a cut through hole in a wooden cover of the burial, separation of the heads of the buried people, changes in the initial position of the deceased persons were recorded. Observations over the features of this complex and comparison with other disturbed burials made it possible to make a number of observations on the interpretation of the tradition of the violation of the burial mounds of Pazyryk culture. Most of these objects were robbed back in a short time after placing of bodies into burials. Two approaches to the interpretation of the violation of funeral complexes are considered. The first is a “pragmatic” approach, explaining the violation of graves only for the purpose of gaining profit by obtaining a valuable accompanying inventory. The second approach sees a violation of burial as part of the ritual sphere of activity of the ancient man. Such an approach suggests that the “robbery” could be carried out with a view to: a) desecrating the grave, for example, by an alien population to demonstrate their rights to the territory; b) the implementation of the final rituals in the framework of the burial ritual.

Keywords: Altai, Pazyryk culture, Scythian time, burial mound, broken burials, disturbed burials, extortionary passage, robbery, desecration, cult of head, neutralization of deceased

For citation: Konstantinov N.A., Urbushev A.U. Disturbed Burial of Pazyryk Culture from South-Eastern Altai. Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 51–64. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-51-64

Значительная часть погребальных памятников пазырыкской культуры скифского времени Алтая, исследованных на сегодняшний день, были ограблены еще в древности. Нетронутые знатные погребения вообще единичны. В ряде случаев удалось достаточно подробно проследить обстоятельства «ограблений» и на сегодняшний день можно сделать некоторое обобщение накопленным фактам. Тем более что сейчас наметилась тенденция к повышению внимания исследователей к вопросам изучения и переоценки ограбленных погребений и были разработаны основные подходы к изучению таких объектов. В последние годы вопросам интерпретации древних нарушений погребальных комплексов были посвящены специальные исследования и проводятся тематические научные мероприятия (Епимахов, Куприянова, 2015; Древние некрополи и поселения, 2016). Возросший интерес к теме можно связать как с накоплением достаточного объема материалов по этой проблеме, так и в целом возросшим качеством изучения археологических комплексов.

Тем не менее пока еще нельзя назвать решенной проблему существования традиции ограбления могил. В связи с этим важен каждый новый факт, проливающий свет на вопрос интерпретации этой традиции, и исследование таких объектов весьма актуально. Также нужно отметить, что благодаря прекрасной сохранности органики в мерзлотных погребениях пазырыкской культуры, до сегодняшнего дня дошло довольно много «улик», оставленных грабителями и позволяющих сделать выводы относительно времени и характера древних ограблений алтайских курганов скифского времени.

Еще при первых научных раскопках кургана пазырыкской культуры на могильнике Катанда в 1865 году В.В. Радловым отмечалось, что погребение к моменту раскопок было «обшарено» грабителями (Радлов, 1989. С. 446). Раскопки больших курганов пазырыкской культуры, проведенные в первой половине XX века советскими археологами, также выявили целый ряд ограбленных комплексов (Грязнов, 1929. С. 981; Евтюхова, Киселев, 1941; Руденко, 1953; 1960). Благодаря прекрасной сохранности деревянных внутримогильных конструк-

ций в условиях подкурганной мерзлоты, а также особенностям льда, заполнявшего погребальную камеру, были сделаны попытки реконструкции последовательности действий древних грабителей. Отмечалось, что ограбление происходило через непродолжительное время после совершения погребения. Сам факт нарушения погребальных комплексов рассматривался главным образом с точки зрения «прагматичного» подхода – целью ограбления было получение «богатств» (Грязнов, 1929. С. 986).

В связи с активизацией археологических исследований на Алтае во второй половине XX века был получен большой объем материалов по рядовым погребальным комплексам пазырыкской культуры (Кубарев, 1987; 1991; 1992; Суразаков, 1989; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003). Хотя некоторые исследователи отмечали, что курганы рядовых кочевников были подвержены древним ограблениям в меньшей степени, чем знатные комплексы (Кубарев, 1992. С. 117), тем не менее и в этой выборке обнаруживается значительное число ограбленных погребений. В те годы также были получены новые материалы и сделаны некоторые ценные замечания по поводу интерпретации ограблений. Так, при раскопках на могильнике Узунтал I в заполнении ямы ограбленного кургана были найдены фрагменты типичной хуннской керамики, что, по мнению автора раскопок, «указывало на время и «виновников» ограбления пазырыкских курганов» (Савинов, 1987. С. 53; 2009. С. 103).

Важные сведения по погребальным памятникам пазырыкской культуры были получены в первой половине 1990-х гг. в рамках работ новосибирских археологов на плато Укок (Полосьмак, 2001). На могильниках Ак-Алаха-1 и Ак-Алаха-3 тогда были исследованы нетронутые грабителями объекты, относимые к категории «элитных» курганов. Исследования этих комплексов показали, что даже погребения пазырыкской знати, видимо, не содержали большого количества драгоценных предметов.

Нужно также отметить, что в конце 1990-х гг. А.С. Суразаковым была написана работа, посвященная интерпретации нарушений древних погребальных памятников на основании алтайских ма-

териалов. Он обозначил три основные традиции таких нарушений: а) «традиция кладоискательства» – ограбление для получения материальных ценностей; б) «традиция осквернения» – нарушение погребения с целью отмщения и нанесения вреда умершему или его «клану»; в) «традиция приобщения» или «замещения», когда погребения нарушались пришлым населением для закрепления на новых землях (Суразаков, 1999). Последней «традицией» объяснялось также и устройство впускных погребений в пазырыкские курганы.

Нам пришлось столкнуться с нарушенным погребением пазырыкской культуры при проведении аварийных раскопок на могильнике Талдура II в 2016 году (Константинов и др., 2017). Этому погребению и будет посвящена статья. Могильник Талдура II расположен в Юго-Восточном Алтае в доли-

не реки Талдура, в нескольких километрах выше выхода долины реки в Чуйскую котловину, в урочище Кожон-Чол (рис. 1). Ближайший поселок – село Старый Бельтир Кош-Агачского района Республики Алтай, расположен в 5 км восточнее памятника. Памятник был открыт в конце 1970-х гг. (Могильников, Куйбышев, Суразаков, 1978) и исследовался в начале 1980-х гг. под руководством В.А. Могильникова (Могильников, Елин, 1983. С. 132–138). Тогда на памятнике было раскопано четыре объекта – поминальное кольцо и курган пазырыкской культуры и два небольших кургана без могильных ям, с остатками деревянных столбов под насыпью.

Судя по составленному в те годы плану, на сегодняшний день русло реки и край террасы в ходе эрозионных процессов значительно сместились на

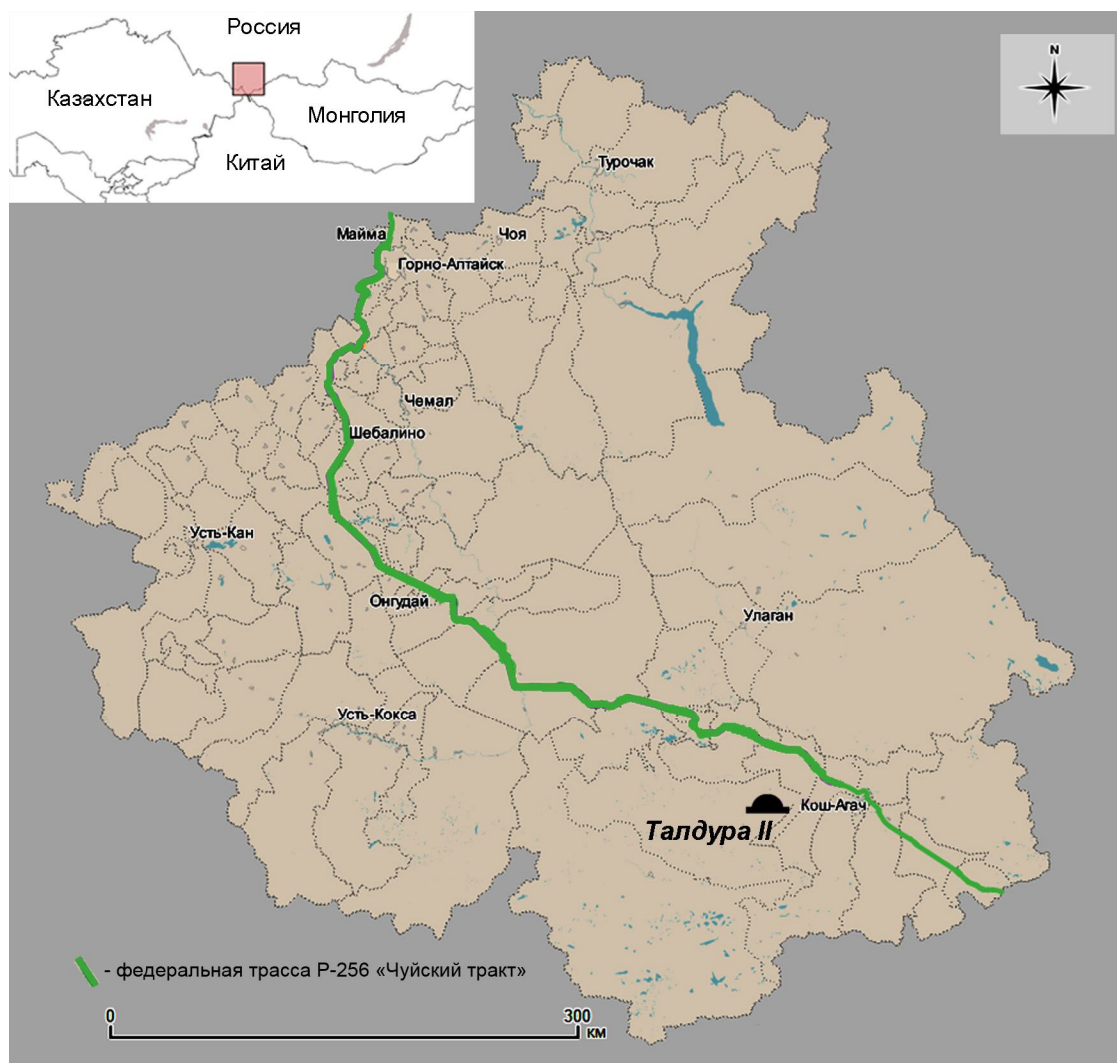

Рис. 1. Местонахождение могильника Талдура II на карте Республики Алтай
 Fig. 1. Location of the Taldura II burial ground on the map of the Altai Republic

юг (рис. 2). Размывом реки полностью разрушен крайний объект из центральной цепочки курганов пазырыкской культуры. Край террасы вплотную подошел к следующему кургану (курган 5), который и был нами раскопан. В этой же цепочке находился курган 3, раскопанный в 1980-е гг. При исследовании кургана 3 в насыпи было обнаружено впускное теленгитское погребение XIX века, основное погребение пазырыкской культуры оказалось ограбленным. Человеческих останков и инвентаря в могиле не обнаружено (Могильников, Елин, 1983. С. 134–135).

Курган 5, исследованный в 2016 году, имел округлую форму, насыпь сложена из крупных окатанных и рваных камней (рис. 3). Под верхней каменной наброской зафиксирована насыпь из щебня, центральная часть которой вместе с верхним слоем камней провалилась в могильную яму. Диаметр насыпи составлял 14 м. Под насыпью, в цен-

тре кургана находилась могильная яма. Размеры ямы составили 4,2 x 3,4 м, глубина 3 м. Могильная яма имела округлую в плане форму, сужалась в нижней части. Заполнение могильной ямы в основном представлено щебнем, в верхней части находились провалившиеся камни из насыпи. В могильной яме зачищено два погребения – впускное погребение в верхней части ямы и основное погребение на дне ямы.

Впускное погребение находилось в верхней части заполнения на глубине 0,75 м от древней поверхности (рис. 4). Для устройства впускного погребения была выкопана вытянутая поперечная яма размерами 1,95 x 0,7 м. Погребенный был уложен в яму головой на северо-восток, руки уложены вдоль тела, левая рука на верхней части бедренных костей. Сверху погребение было перекрыто каменными плитами. В области пояса на позвонках погребенного зачищен сильно коррозированный

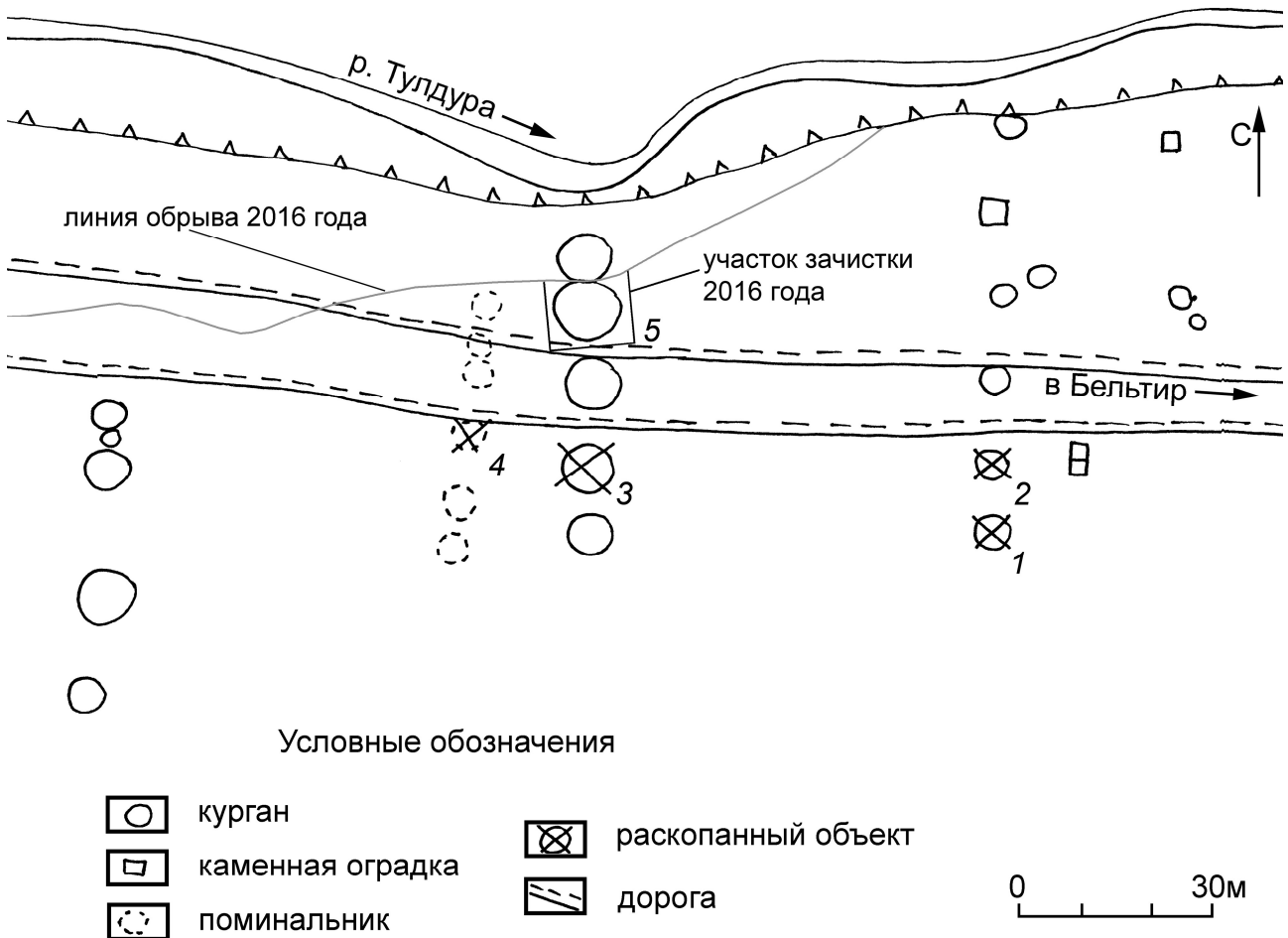
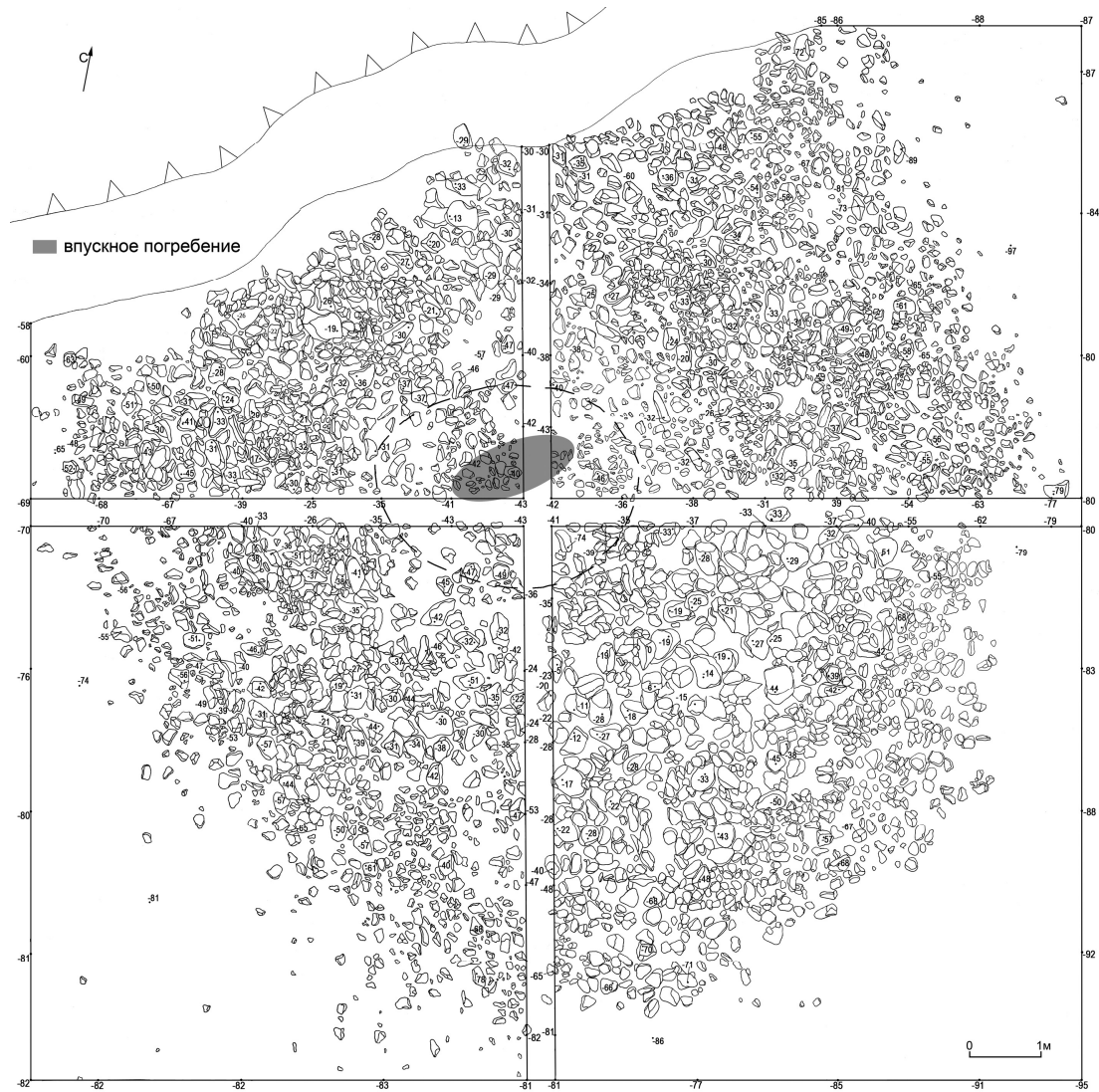
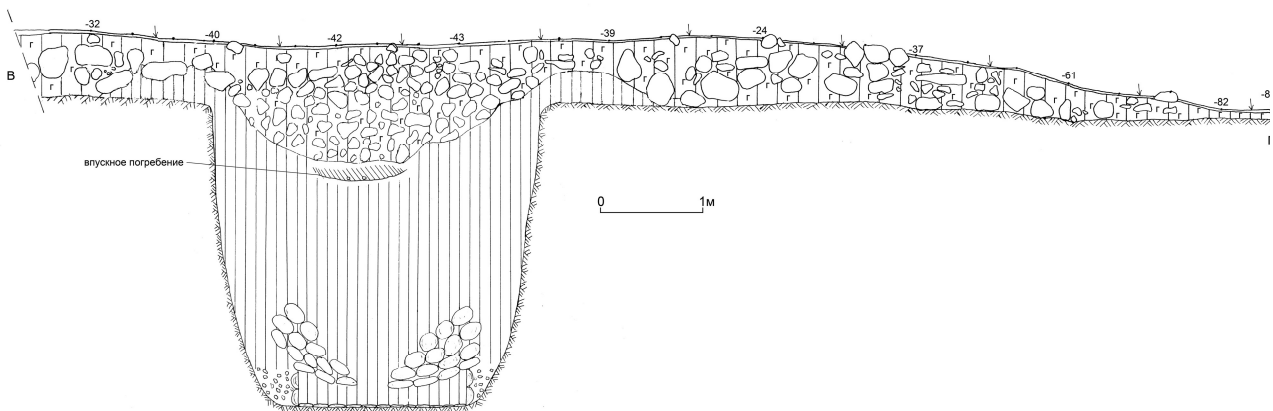

Рис. 2. План могильника Талдура II (по Могильникову В.А., Елину В.Н., 1983)
 Fig. 2. Plan of the Taldura II burial ground (after Mogilnikov V.A., Elin V.N., 1983)

Рис. 3. Могильник Талдура II, курган 5. План насыпи
Fig. 3. Taldura II, kurgan 5. Plan of the mound

Рис. 4. Могильник Талдура II, курган 5. Профиль кургана
Fig. 4. Taldura II, kurgan 5. Profile

железный нож и круглая железная пряжка. В области пояса под железным ножом зачищена бедренная кость овцы, провалившаяся между позвонков. В области тазовых костей зачищена железная пряжка плохой сохранности. В области ног зачищены фрагменты керамического сосуда. Впускное погребение по элементам погребального обряда предположительно можно отнести к первой поло-

вине I тыс. н. э. Невыразительный инвентарь не противоречит такой датировке.

Основное погребение было устроено на дне ямы в деревянном срубе. На глубине 2 м в могильной яме зафиксирован накат из бревен – перекрытие погребения (рис. 5). Бревна имели толщину 0,2–0,3 м и были уложены по линии восток–запад. Всего было уложено три слоя бревен и нижний

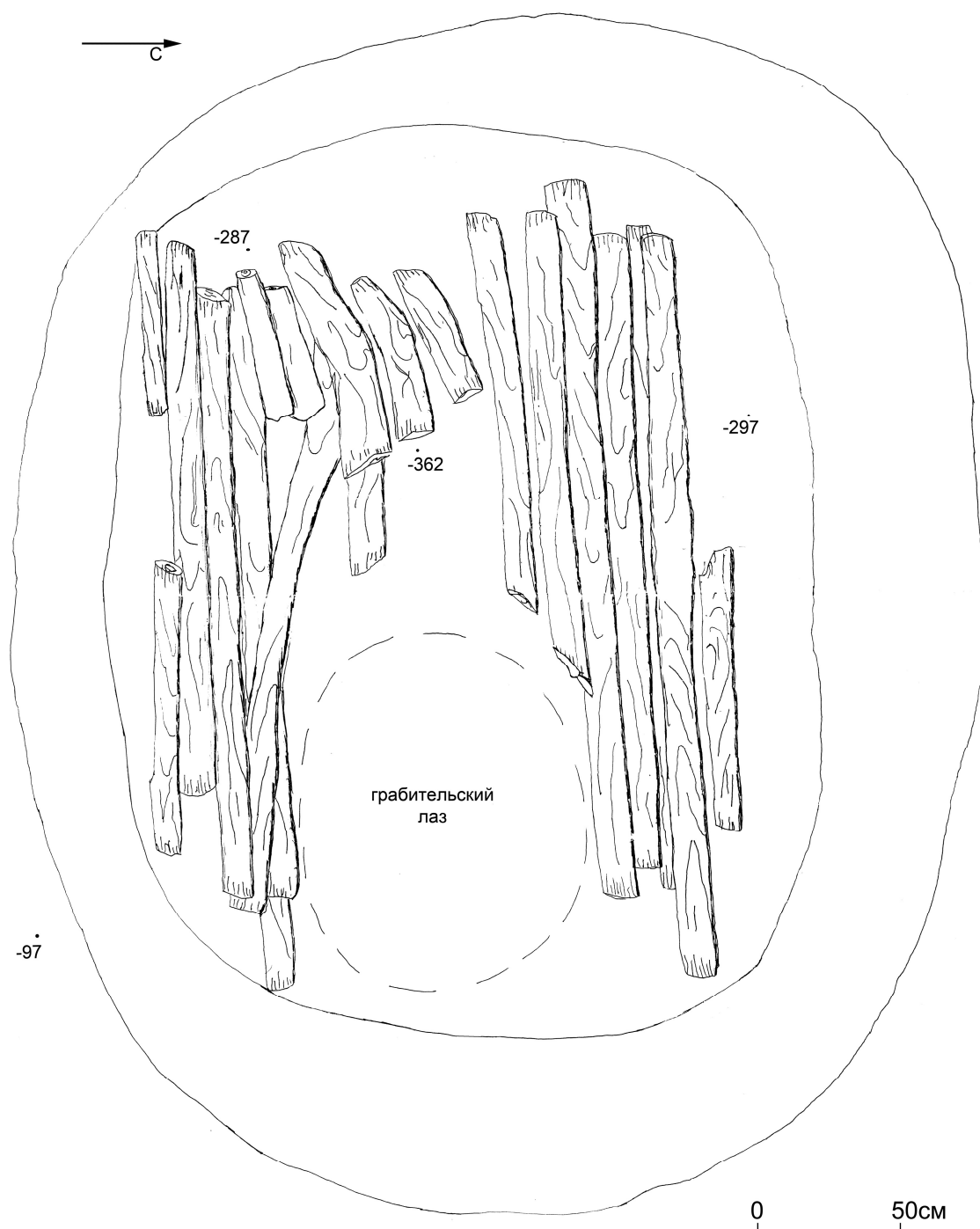

Рис. 5. Могильник Талдура II, курган 5. Перекрытие основного погребения
 Fig. 5. Taldura II, kurgan 5. Overlapping of the main burial

слой толстых плах – перекрытие сруба. В центре перекрытия погребения провалилось в сруб, в восточной части отчетливо прослеживается грабительский лаз округлой формы. Размеры грабительского лаза 1,3 x 1 м. По краям лаза бревна перекрытия имеют следы горения, в заполнении грабительского хода зафиксирован древесный уголь и фрагменты обугленной древесины.

Под перекрытием находился двухвенцовый сруб прямоугольной формы, длинной осью ориентированный по линии запад–восток. Размеры сруба 2,2 x 1,75 м, высота 0,3 м. С внутренней стороны бревна были обтесаны. Пол сруба выложен тонкими плашками толщиной 2–3 см. Сруб заполнен щебнем, насыпавшимся через грабительский лаз и древесной трухой от перекрытия. Пространство между стенами сруба и стеной могильной ямы заполнено мелкими камнями. Сопроводительное захоронение коня, типичное для пазырыкской культуры, отсутствовало.

В срубе находилось погребение взрослого человека (женщины?) и ребенка (рис. 6). Черепа погребенных лежали отдельно у южной стены сруба, напротив коленей взрослого костяка затылками друг к другу. У черепов в сочленении находились верхние позвонки шейного отдела позвоночника и нижние челюсти, что свидетельствует об отделении голов до разложения трупа. Тела умерших были уложены верхней частью туловища на запад. Скелет взрослого человека находился в центре сруба, детский скелет в северной половине. Погребенные были уложены на живот, ноги немного согнуты в коленях, руки опущены вниз и находились под туловищем.

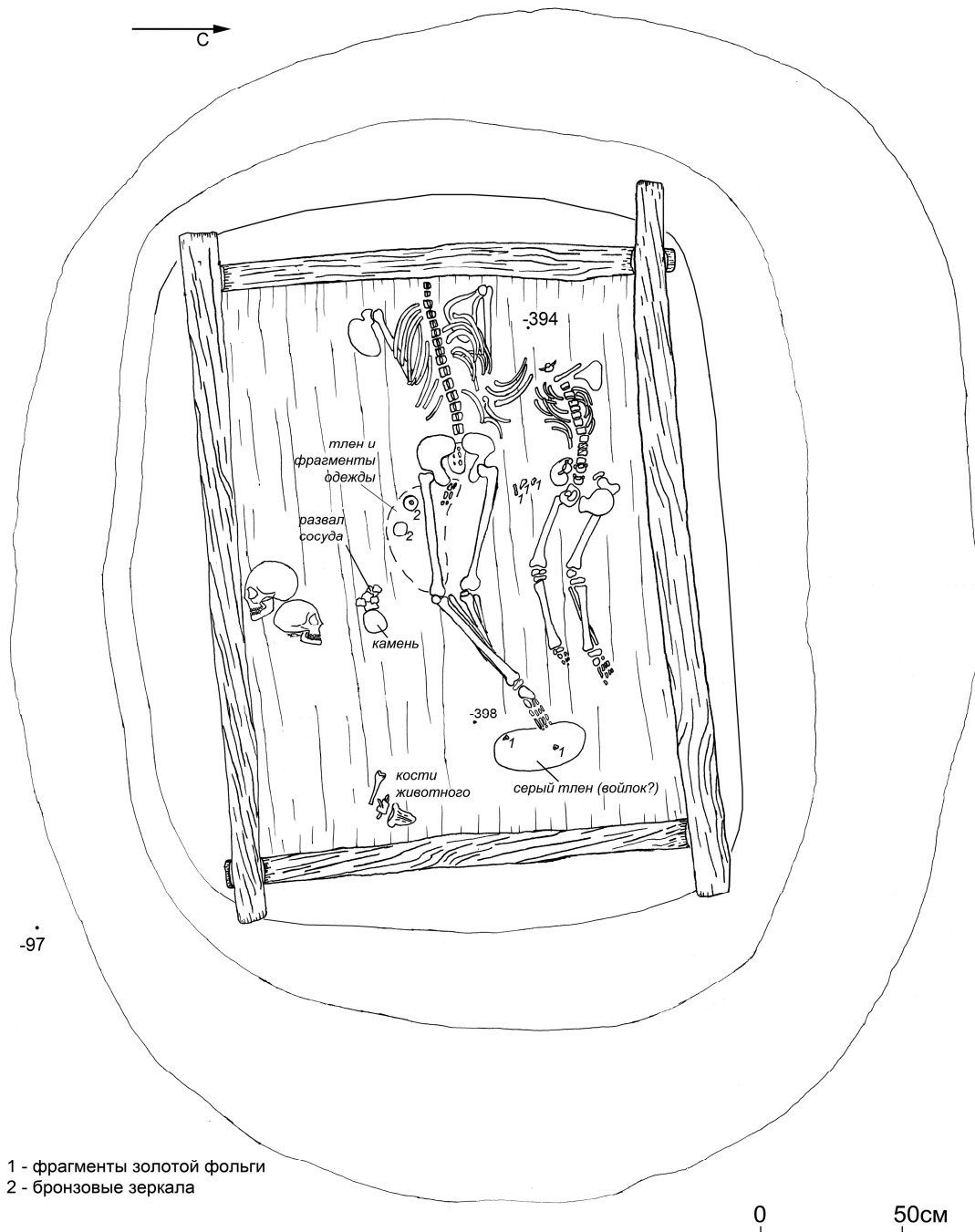
В южной части сруба, у коленей скелета взрослого человека зачищены фрагменты керамического сосуда, орнаментированного наlepным валиком с насечками (рис. 7.1), на горловине сосуда темной краской, видимо, был нанесен орнамент в виде спиралей. Рядом с развалом зачищен небольшой фрагмент венчика тонкостенного сосуда и два бронзовых зеркала (рис. 7.2, 3). Одно зеркало находилось в кожаном мешочке. Также рядом с коленями взрослого костяка и под бедром зачищены фрагменты меховой одежды (?) с фрагментами деревянных изделий. В области таза погребенных

и под скелетами зачищены фрагменты золотой фольги. У восточной стены сруба зафиксировано ребро и фрагмент трубчатой кости животного.

Судя по деталям погребального обряда и инвентаря, основное погребение относится к пазырыкской культуре скифского времени и датируется IV–III вв. до н. э. Отсутствие сопроводительного захоронения лошади, западная ориентировка умерших, также, как и нахождение двух человек в одном погребении, свидетельствуют о влиянии саглынской культуры, памятники которой распространены в соседней Туве (Тишкин, Дашковский, 2003. С. 166). Погребальные объекты с некоторыми чертами, характерными для саглынской культуры, часто встречаются в Юго-Восточном Алтае в одной цепочке с «классическими» курганами пазырыкской культуры.

Обстоятельства нарушенного погребения, зафиксированные во время раскопок, позволяют судить о времени «огрбления» могилы. Наличие в верхней части заполнения могильной ямы нетронутого впускного погребения первой половины I тыс. н. э. свидетельствует о том, что более поздних проникновений в погребение не было. Все возможные нарушения могилы производились лишь до момента устройства впускника. Черепа погребенных, лежавшие отдельно, были в сочленении с верхними шейными позвонками и нижними челюстями, то есть головы были отделены от тела еще до разложения трупа. Также о манипуляциях с телами умерших после совершения погребения свидетельствует положение костяков на момент раскопок. Обычное для пазырыкских могил положение трупа – на боку с подогнутыми ногами, головой на восток. В данном же случае костяки были ориентированы на запад и лежали на животе. Западная ориентировка встречается на пазырыкских памятниках Юго-Восточного Алтая и объясняется влиянием синхронной саглынской культуры Тувы. Однако положение костяков на животе в неестественных позах свидетельствует о манипуляциях с телами, производившимися уже после совершения погребения, но еще до разложения трупа (Зайцева, 2005. С. 16)¹.

¹ Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и воз-

1 - фрагменты золотой фольги
2 - бронзовые зеркала

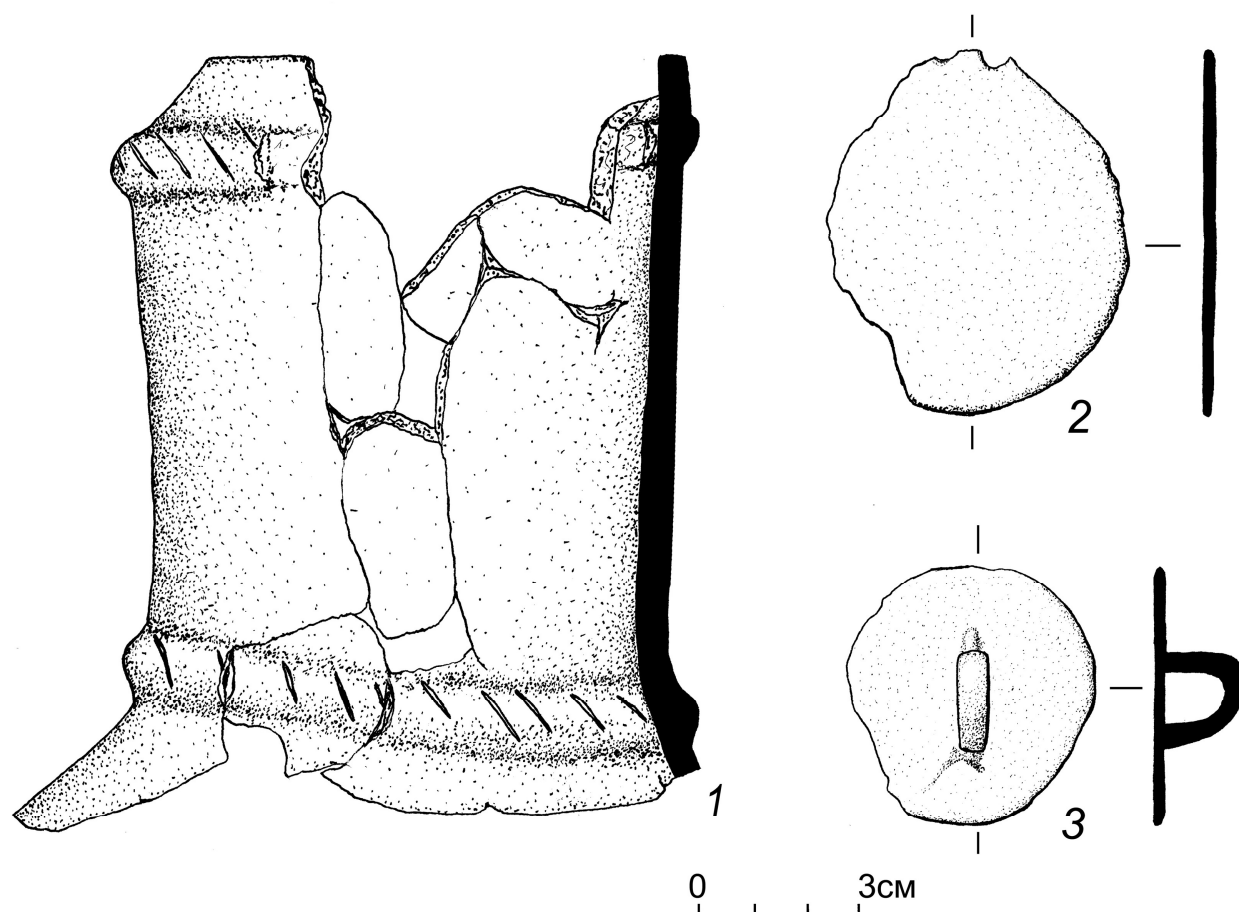
Рис. 6. Могильник Талдура II, курган 5. Основное погребение
Fig. 6. Taldura II, kurgan 5. Main burial

Учитывая сохранившиеся в сочленении части костяков погребенных, можно прийти к заклю-

чению, что нарушение могилы было одноактным и совершалось спустя непродолжительный отрезок времени после помещения тел умерших в могилу. Также нужно отметить, что под впускным погребением заполнение могильной ямы было однородным и состояло из щебня, грабительский лаз в нем не фиксировался. Это может быть объяснено особенностями щебня, в котором перекопы не про-

возможности интерпретации: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.
Zaitseva O.V. Burials with broken anatomical integrity of the skeleton: the method of investigation and the possibility of interpretation: cand. histor. sci. syn. diss. Novosibirsk, 2005, 28 p. (In Russian).

Рис. 7. Могильник Талдура II, курган 5. Предметы из основного погребения: 1 – верхняя часть керамического сосуда; 2, 3 – бронзовые зеркала

Fig. 7. Taldura II, kurgan 5. Findings from the main burial: 1 – part of ceramic vessel; 2, 3 – bronze mirrors

слеживаются. Однако нужно отметить отсутствие камней из насыпи, которые должны были упасть в грабительский лаз после осыпания стен грабительской ямы. Исходя из этого факта, можно с большой долей вероятности предположить, что проникновение в погребение могло происходить еще даже до завершения строительства надмогильного сооружения.

У исследователей «царских» курганов скифского времени Алтая нет единого мнения по поводу времени ограбления. М.П. Грязнов считает, что Первый пазырыкский курган был ограблен до образования в могиле мерзлоты, а само ограбление как раз способствовало появлению льда (Грязнов, 1929. С. 984). Позднее он писал, что погребение было совершено в сентябре, а наблюдения над особенностями образования льда позволили ему предположить, что ограбление происходило позд-

ней осенью или зимой (Грязнов, 1950. С. 19). Однако он избежал вопроса, в том же году было ограбление или в последующие годы. Также было отмечено, что грабители хорошо знали конструкцию пазырыкских курганов (Грязнов, 1950. С. 15), то есть они могли быть участниками похорон.

С.И. Руденко, напротив, пишет о том, что ограбление курганов на Пазырыке происходило уже после образования части мерзлоты, «на что потребовалось не мало лет», но в то время, когда трупы были еще в «хорошем состоянии» (Руденко, 1953. С. 20–21). Тем более, как утверждает исследователь, грабители Пазырыкских курганов никак не прикрывали следы ограбления, оставляя большие воронки в насыпи. То есть ограбление могло быть совершено лишь пришлыми людьми, после того как население, строившее курганы, уже покинуло эти места. Одним из подтверждений своей точки

зрения, он приводит факт наличия следов костров в грабительских ходах (Руденко, 1953. С. 23). Нами также были зафиксированы следы горения бревен по краям грабительского лаза при раскопках кургана 5 могильника Талдура II, хотя следов мерзлоты обнаружено там не было. Вероятно, наличие следов огня нужно искать какое-то другое объяснение.

Большинство исследователей связывают следы горения перекрытий срубов с актом ограбления. Хотя, например, А.С. Суразаков считает, что поджог перекрытий пазырыкских курганов является составной частью погребального обряда (Суразаков, 1994). Мы же склоняемся к точке зрения, что огонь применялся грабителями, что и было зафиксировано нами при раскопках на Талдуре. Применение огня в таких случаях может быть объяснено ритуальными действиями грабителей, для того чтобы обезопасить себя от «хозяина» погребального сооружения и «запечатать» проход между мирами живых и мертвых (Таиров, 2014. С. 243). Для тех же целей, видимо, устраивались погребения трупов собак в грабительском ходе нарушенных курганов тагарской культуры (Кузнецов Н.А., 1998. С. 15)².

Таким образом наблюдения, проведенные М.П. Грязновым и С.И. Руденко над особенностями льда, заполнявшего погребальные срубы, не позволили прийти к единой модели, которая бы убедительно представила последовательность образования льда и процесс ограбления. Но исследователи сходятся в том, что ограбление происходило в относительно короткое время после погребения. По нашему мнению, проникновение в могилу совершалось в очень короткий срок. Само строительство кургана занимало продолжительный промежуток времени, поскольку он представлял собой сложное сооружение. Поэтому ограбление погребальных камер в некоторых случаях могло совершаться на каком-то этапе строительства кургана. Именно такой случай, возможно, был зафиксиро-

ван при изучении кургана 5 на могильнике Талдура II. Факт нарушения погребения еще до засыпки могильной ямы грунтом был зафиксирован на могильнике Догээ-Баары 2 в Туве, хотя в этом случае проникновение в незасыпанное грунтом внутримогильное сооружение может быть объяснено длительностью функционирования кургана, во время которого шло подхоронение умерших сородичей в одну камеру (Чугунов, 2007. С. 125). Но даже в таком случае ограбление происходило явно до того, как семья, которая строила курган, покинула эти места.

Обычно исследователи находили «прагматичные» объяснения фактам ограблений пазырыкских курганов. Даже оправдывали следы надругательств над телами погребенных именно с этих позиций. С.И. Руденко так объясняет отчленение частей тела грабителями у погребенных на Пазырыкском могильнике: «В кургане втором, вероятно, для снятия шейных гривн у мужчины и женщины грабители отрубили головы. У женщины того же кургана для снятия ножных и ручного браслетов были отрублены стопы обеих ног и голени ниже коленного сустава, а также кисть правой руки» (Руденко, 1953. С. 50). Хотя, например, у мумии вождя из Пятого пазырыкского кургана, выставленной в постоянной экспозиции Государственного Эрмитажа, обе ноги были перебиты, но не отрублены.

Как правило, отрубались и повреждались две части тела – голова или ноги. Особое отношение к голове известно в разных культурах в широком географическом и хронологическом диапазоне (Зайцева, 2005. С. 26³; Соенов, 2017. С. 124). В памятниках Алтая это проявляется, начиная, по крайней мере, с эпохи ранней бронзы, когда появляются первые погребения людей без голов (Вдовина, 2004). Поскольку эта часть тела наделялась особым отношением, отрубая голову, грабители хотели нанести максимальный «ущерб» умершему чело-

² Кузнецов Н.А. Погребения собак на Среднем Енисее как археологический источник: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. 22 с.
Kuznetsov N.A. Burials of dogs in the Middle Yenisey as an archaeological source: cand. histor. sci. syn. diss. Novosibirsk, 1998, 22 p. (In Russian).

³ Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.
Zaitseva O.V. Burials with broken anatomical integrity of the skeleton: the method of investigation and the possibility of interpretation: cand. histor. sci. syn. diss. Novosibirsk, 2005, 28 p. (In Russian).

веку. Интересно, что в алтайском фольклоре до современности сохранилась формула угрозы противнику, что после смерти его голова будет уложена в могилу в ноги⁴. С этих позиций можно объяснить надругательство при ограблении именно над головами людей, погребенных в кургане 5 могильника Талдура II. Отрубание или повреждение ног умерших людей, фиксирующееся на других памятниках, может быть объяснено боязнью перед покойником, когда проводился акт его обезвреживания. Поскольку основная функция ног человека – передвижение, то повреждая их, грабители, видимо, надеялись лишить умершего человека способности «ходить», обездвигать его, чтобы покойник не мог нанести им вред.

Таким образом, приведенные факты показали тесную связь ограблений с ритуальной сферой. Некоторые исследователи даже считают этот акт частью погребального обряда определенных групп населения. В ряде случаев, по их мнению, надмогильная конструкция устраивалась только после нарушения погребения. Такие выводы были сделаны после наблюдений на памятниках скифского времени Тувы (Семёнов, Килуновская, 2016. С. 33, 35).

Судя по исследованным нетронутым погребениям пазырыкской культуры, можно отметить что, во-первых, «ограбление» не было обязательной нормой обряда, которую бы применяли повсеместно. Во-вторых, находимый при раскопках нетронутых объектов комплекс вещей демонстрирует отсутствие в этих погребениях больших «богатств», что говорит о нецелесообразности ограбления курганов для наживы. Естественно, в этом контексте речь не идет о самых крупных «царских» курганах пазырыкской культуры, поскольку все они без исключения были сильно ограблены, и мы не знаем, что изначально в них находилось.

⁴ Об этом нам рассказал староста с. Старый Бельтир В.А. Сурунов.
About this told us the praepostor of the village Staryi Bel'tir V.A. Surunov.

Учитывая факт надругательства над телами погребенных в исследуемом кургане, можно предположить, что «ограбление» в данном случае носило характер осквернения и осуществлялось со стороны людей, враждебно настроенных по отношению к погребенным. Но с другой стороны, подобные манипуляции с телами можно объяснить необходимостью нарушения их целостности. Такой акт мог осуществляться сородичами из-за боязни перед умершими, например, когда семью преследовали несчастья, которые, так или иначе, связывались с погребенными в кургане людьми. О возможном нарушении погребения лицами, участвующими в сооружении кургана, говорит хорошая осведомленность грабителей о конструкции курганов (Грязнов, 1950. С. 15), а также следы проникновения в могильную камеру, совершенного до окончания строительства кургана.

Конечно, мы далеки от установления всех подробностей и причин проникновения в могилу, но уверены в том, что нарушение погребения, исследованного в кургане 5 могильника Талдура II, имело не «прагматичную» цель, то есть не было обусловлено жадной наживы, а носило ритуальный характер. Поэтому мы поддерживаем исследователей, которые считают, что такие погребения нужно называть не «ограбленными», а нарушенными или потревоженными (Яценко, Килуновская, 2016. С. 12). Вполне вероятно, что подобные акты являлись нормой весьма сложного погребального обряда пазырыкской культуры, довольно часто применявшейся в определенных случаях. Именно этим может быть объяснено столь широкое распространение традиции нарушения курганов в скифское время на Алтае и в сопредельных регионах.

Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ МК-1837.2017.6 «Изучение археологических комплексов Юго-Восточного Алтая в контексте реконструкции процессов освоения человеком высокогорных ландшафтов в раннем железном веке и средневековье».

Статья поступила 27.10.2017 г.

Article was received in October, 27, 2017

Библиографический список

Вдовина Т.А. Аварийные раскопки на могильнике Нижний Айры-Таш // *Древности Алтая. Горно-Алтайск*, 2004. № 12. С. 6–12.

Грязнов М.П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае // *Природа*. 1929. № 11. С. 971–984.

Грязнов М.П. Первый пазырыкский курган. Ленинград : Изд-во Государственного Эрмитажа, 1950. 90 с.

Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Санкт-Петербург : Институт истории материальной культуры РАН; Невская книжная типография, 2016. 244 с.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиций // *Труды Государственного исторического музея*. М., 1941. С. 75–117.

Епимахов А.В., Куприянова Е.В. Всероссийский (с международным участием) круглый стол «Археология древних ограблений и символических захоронений» (Челябинск, 2015 г.) // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2015. Т. 15. № 3. С. 115–118.

Кiryushin Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул : Алтайский государственный университет, 2003. 234 с.

Константинов Н.А., Соенов В.И., Трифанова С.В., Эбель А.В., Урбушев А.У. Полевые исследования в Кош-Агачском районе Республики Алтай // *Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году (археология, этнография, устная история)*. Материалы XII Международной научно-практической конференции (Омск, 24–25 марта 2017 г.). Омск : Издатель-Полиграфист, 2017. С. 37–38.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 150 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск : Наука, 1992. 220 с.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // *Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–*

References

Vdovina T.A. Emergency excavations at the necropolis Nizhny Airy-Tash. *Drevnosti Altaya* [Antiquities of the Altai]. Gorno-Altaysk, 2004, no. 12, pp. 6–12. (In Russian).

Gryaznov M.P. Pazyryk princely burial in the Altai. *Priroda* [Nature]. 1929, no. 11, pp. 971–984. (In Russian).

Gryaznov M.P. *Pervyi pazyrykskii kurgan* [First Pazyryk barrow]. Leningrad: Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 1950. 90 p.

Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya [Ancient necropolises and settlements: post-mortuary rituals, symbolic burials and robberies]. St. Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury RAN; Nevskaya knizhnaya tipografiya Publ., 2016. 244 p.

Evtukhova L.A., Kiselev S.V. Report on the work of the Sayano-Altai archaeological expeditions. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Proceedings of the State Historical Museum]. Moscow, 1941, pp. 75–117. (In Russian).

Epimakhov A.V., Kupriyanova E.V. *Vserossiiskii (s mezhdunarodnym uchastiem) kruglyi stol "Arkheologiya drevnikh ograblenii i simvolicheskikh zakhoroneni"* (Chelyabinsk, 2015 g.) [All-Russian (with international participation) workshop "Archeology of ancient robberies and symbolic burials" (Chelyabinsk, 2015)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2015, vol. 15, no. 3, pp. 115–118. (In Russian).

Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F., Tishkin A.A. *Skifskaya epokha Gornogo Altaya. Chast' II: Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazyrykskoi kul'tury* [Scythian era of the Altai Mountains. Part II: Funeral and memorial complexes of Pazyryk culture]. Barnaul: *Altayskii gosudarstvennyi universitet Publ.*, 2003. 234 p.

Konstantinov N.A., Soenov V.I., Trifanova S.V., Ebel' A.V., Urbushev A.U. Field research in the Kosh-Agach district of the Altai Republic. *Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae v 2016 godu (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya)*. *Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Omsk, 24–25 marta 2017 g.* [Field research in Priirtyshye, the Upper Ob region and the Altai in 2016 (archeology, ethnography, oral history). Materials of the XII International Scientific and Practical Conference, Omsk, March 24–25, 2017]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist Publ., 2017, pp. 37–38. (In Russian).

Kubarev V.D. *Kurgany Ulandryka* [Kurgans of Ulandryk]. Novosibirsk, 1987, 150 p.

Kubarev V.D. *Kurgany Yustyda* [Kurgans of Yustyd]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. 190 p.

Kubarev V.D. *Kurgany Sailyugema* [Kurgans of Sailyugem]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1992. 220 p.

Mogil'nikov V.A., Elin V.N. Mounds of Taldoor. *Arkheologicheskie issledovaniya v Gornom Altae v 1980–1982*

1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 90–108.

Могильников В.А., Куйбышев А.В., Суразаков А.С. Раскопки в Кызыл-Джаре // АО 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 261–262.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс. 2001. 336 с.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: АН СССР, 1953. 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: АН СССР, 1960. 360 с.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб., 2009. 226 с.

Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // Краткие сообщения института археологии. 1987. Вып. 154. С. 48–55.

Семёнов В.А., Килуновская М.Е. «Разрушение», «Разграбление», «Ритуал» – погребальный обряд в контексте древних культур (по археологическим памятникам Тувы) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН; Невская книжная типография, 2016. С. 15–36.

Соенов В.И. Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2017. № 8 (20). С. 117–142.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 214 с.

Суразаков А.С. Погребальный обряд пазырыкцев // Археология Горного Алтая. Барнаул : Алтайский государственный университет, 1994. С. 71–74.

Суразаков А.С. О традициях нарушения древних погребальных сооружений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Алтайский государственный университет, 1999. С. 171–173.

godakh [Archaeological research in the Altai Mountains in 1980–1982]. Gorno-Altaysk, 1983, pp. 90–108. (In Russian).

Mogil'nikov V.A., Kuibyshev A.V., Surazakov A.S. Excavations in Kyzyl-Jar. *Arkheologicheskie otkrytiya 1977 goda* [Archaeological discoveries of 1977]. Moscow, 1978, pp. 261–262. (In Russian).

Polos'mak N.V. *Vsadniki Ukoka* [The horsemen of Ukok]. Novosibirsk: INFOLIO-press Publ., 2001. 336 p.

Radlov V.V. *Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika* [From Siberia: Diary pages]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 749 p.

Rudenko S.I. *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the population of the Altai Mountains during the Scythian period]. Moscow-Leningrad: AN SSSR Publ., 1953. 402 p.

Rudenko S.I. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the population of Central Altai in Scythian time]. Moscow-Leningrad: AN SSSR Publ., 1960, 360 p.

Savinov D.G. *Minusinskaya provintsiya Khunnu (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 1984–1989 gg.)* [Minusinsk province of Xiongnu. (Based on materials of archaeological research from 1984–1989)]. St. Petersburg, 2009. 226 p.

Savinov D.G. On the final stage of the culture of the early nomads of the Altai Mountains. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief reports of the Institute of Archeology], 1987, iss. 154, pp. 48–55. (In Russian).

Semenov V.A., Kilunovskaya M.E. “Razrushenie”, “Razgrablenie”, “Ritual” – pogrebal'nyi obryad v kontekste drevnikh kul'tur (po arkheologicheskim pamyatnikam Tuvy) [“Destruction”, “Looting”, “Ritual” – funerary rite in the context of ancient cultures (according to archaeological sites of Tuva)]. *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya* [Ancient necropolises and settlements: post-mortuary rituals, symbolic burials and robberies]. St. Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury RAN; Nevskaya knizhnaya tipografiya, 2016, pp. 15–36. (In Russian).

Soenov V.I. *Narushennoe voinskoe pogrebenie na mogil'nike Verkh-Uimon* [The disturbed military burial on the Verkh-Uimon cemetery]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Gorno-Altaysk: GAGU, 2017, no. 8 (20). pp. 117–142. (In Russian).

Surazakov A.S. *Gornyi Altai i ego severnyye predgor'ya v epokhu rannego zheleza. Problemy khronologii i kul'turnogo razgranicheniya* [The Altai Mountains and its northern foothills in the Era of Early Iron. Problems of chronology and cultural differentiation]. Gorno-Altaysk, 1989. 214 p.

Surazakov A.S. Funeral tradition of Pazyryk people. *Arkheologiya Gornogo Altaya* [Archeology of the Altai Mountains. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 1994, pp. 71–74. (In Russian).

Surazakov A.S. On the traditions of violation of ancient funerary structures. *Itogi izucheniya skifskoi epokhi Altaya i sopredel'nykh territorii* [Results of the study of the Scythian epoch of Altai and adjacent territories]. Barnaul:

Таиров А.Д. Сожжение как результат ограбления (по материалам Южного Зауралья) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань, 2014. Т. II. С. 241–243.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрения населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2003. 430 с.

Чугунов К.В. Могильник Догээ-Баары 2 Как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990–1998 гг.) // Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 123–144.

Яценко С.А., Килуновская М.Е. Нарушенные погребения: проблемы изучения // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН; Невская книжная типография, 2016. С. 7–14.

Сведения об авторах

Константинов Никита Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник музейного комплекса, Горно-Алтайский государственный университет, Российская Федерация, 649000, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1, e-mail: nikita.knstntnv@yandex.ru

Урбушев Айдын Урматович, младший научный сотрудник научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов, Горно-Алтайский государственный университет, Российская Федерация, 649000, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1, e-mail: aidurbushev@yandex.ru

Критерии авторства

Н.А. Константинов и А.У. Урбушев выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись и иллюстрации к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 1999, pp. 171–173. (In Russian).

Tairov A.D. Burning as a result of robbery (based on materials from the Southern Trans-Urals). Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s"ezda [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress]. Kazan', 2014, vol. II, pp. 241–243. (In Russian).

Tishkin A.A., Dashkovskii P.K. *Sotsial'naya struktura i sistema mirovozzrenii naseleniya Altaya skifskoi epokhi* [Social structure and system of the worldview of the Altai population of the Scythian epoch]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2003. 430 p.

Chugunov K.V. The burial site Doge-Baary 2 as a site of the beginning of Uyuk-Saglyn culture of Tuva (based on excavations from 1990–1998). *Sbornik nauchnykh trudov v chest' 60-letiya A.V. Vinogradova* [Collection of scientific works dedicated to the 60th anniversary of A.V. Vinogradov]. St. Petersburg: Kul't-Inform-Press, 2007, pp. 123–144. (In Russian).

Yatsenko S.A., Kilunovskaya M.E. Disturbed burials: problems of study. *Drevnie nekropoli i poseleniya: post-pogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya* [Ancient necropolises and settlements: post-mortuary rituals, symbolic burials and robberies]. St. Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury RAN; Nevskaya knizhnaya tipografiya, 2016, pp. 7–14. (In Russian).

Information about the authors

Nikita A. Konstantinov, PhD, Senior researcher of Museum complex, Gorno-Altai State University, 1 Lenkina Str., Gorno-Altai 649000, Russian Federation, e-mail: nikita.knstntnv@yandex.ru

Aidyn U. Urbushev, Junior researcher of Research Center for the history and culture of Turkic peoples, Gorno-Altai State University, 1 Lenkina Str., Gorno-Altai 649000, Russian Federation, e-mail: aidurbushev@yandex.ru

Attribution criteria

Konstantinov N.A. and Urbushev A.U. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.